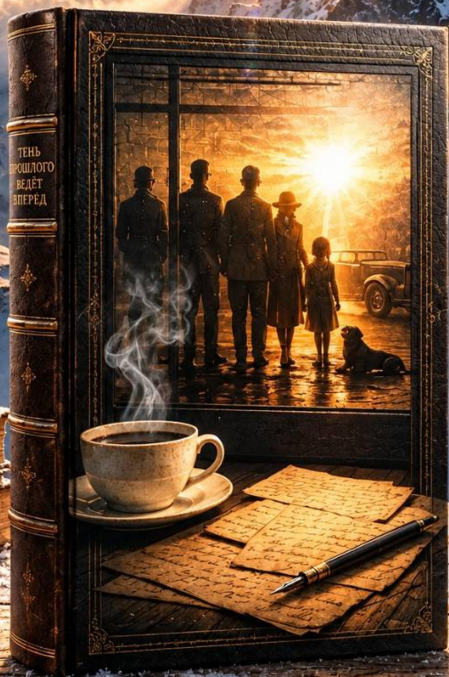

Ремарк навсегда

Дмитрий Абелов

Дмитрий Абелов

Ремарк навсегда

<https://litres.ru/74531367>

SelfPub; 2026

Аннотация

Психологический роман с элементами магического реализма

Вальтер Ломан. Ещё вчера он был солдатом, прошедшим ад Первой мировой. Сегодня он – человек, сломленный смертью любимой. Он потерял всё, но не остановился; он ищет путь, цепляясь за ускользающую жизнь.

Автор, вдохновлённый романом Ремарка «Три товарища», создал пространство, где память сильнее забвения, а любовь становится единственным спасительным якорем для истерзанной души. Это вольное, глубоко личное прочтение, роман-исследование о том, что остаётся от человека, когда у него отнимают всё, и какова цена надежды, когда даже смерть не является финалом.

Что перед нами – путешествие души в иные миры или метафора внутреннего перерождения? Решать вам, ведь граница между реальным и воображаемым здесь не для ответов, а для вопросов...

Содержание

От автора	4
Пролог	6
Глава 1	16
Глава 2	25
Глава 3	35
Глава 4	46
Глава 5	51
Глава 6	53
Глава 8	56
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Дмитрий Абелов

Ремарк навсегда

Сон, таящий тайну, становится реальностью.

От автора

Обычная жизнь проносилась мимо: рождение и старость, горе и радости, счастье и безумный путь — обнуляющий апофеоз достижений.

Искра надежды слабо горела в конце пути, но не было достойного, чтобы разжечь, да даже достигнуть — не было и никогда не будет. Поколения горели густой копотью в прозрачном счастье, и только редкие капли живой влаги пытались потушить аморфный миг желаний.

Счастьем это не нравилось, минимум — до безумия. Начиная усиленно пыхтеть и клубиться, оно душило потрясенных своим диким желанием вечных благ и молитв.

Пролог

В воздухе витали едва уловимые чувственные нотки дождя, пришедшего с севера. Солнце исчезало, и лагерь медленно укутывала серая дымка заката. То там, то тут legionеры разжигали костры, и пламя, активно разбрызгивая искры из-под сырых поленьев, озаряло уставшие лица.

Проносившийся меж палаток ветер, не боясь сгореть, взвивал искры все выше и выше. Не раз в дальних походах сгорали целые лагеря от проказ ветра, играющего с огнем, но нас спас прошедший ливень, так удачно смочивший и землю, и воздух мощными нотами живительной влаги. Искры медленно кружились, освещая лагерь на километры вдаль.

— Любишь смотреть, как твои солдаты отдыхают? — не унимался голос. — Все смотришь и смотришь. Думаешь, что можешь всего этого не застать завтра? Как и я когда-то?

Стоит только задуматься — и вновь будет новый день. Молчаливый собеседник присел на выступ разрушенной колонны и продолжал думать.

Со смертью супруги он потерял немало надежд, но каждое уныние только укрепляло в нем призвание жить и помогать. Видно, Боги хотели так сильно закалить его дух, что в спутницы к нему обрекли падшую душу. Дух изредка навывался к нему, всячески, как казалось, пытался подружиться, но чаще отвлекал. Появление бестелесного создания, вкпе

с привлекательностью юного тела и красотой зеленоватых глаз, заставляло и бояться, и желать, и думать о совершенном преступлении падшей души.

Жрецы неодобрительно цокали, когда узнавали об общении с лярвой¹, но должность великого понтифика расставляла все на свои места. В дни Лемурии², он в записке указывал ей, чтобы она, неуспокоенная, куда-либо пряталась, так как боялся потерять даже такую спутницу. Он боялся потерять всех, страдал душой, но видом и делом защищал свой народ.

¹ Лярва (лат. *larva* — «маска, призрак») — в древнеримской мифологии злой дух умершего, приносящий живым беды и кошмары; в обрядах Лемурий римляне старались умиловить или изгнать таких духов.

² Лемурии (или Лемуралии) — трехдневный праздник в Древнем Риме (9, 11 и 13 мая), посвященный умиротворению или изгнанию лемуров — беспокойных духов умерших, которые, по поверьям, бродили по ночам и причиняли вред живым.

Подходя к палатке, он почувствовал, как начал крапать теплый дождь. Отодвинув полог и войдя, он увидел, что лярва насупилась и молчала; вино, допитое ею, достигло необходимого эффекта. Взгляд ее блуждал по комнате, и было очевидно, что планируется какая-то пакость. Увидев Аврелия, она резко изменилась и оказалась вплотную к нему. Они никогда не были так близко друг к другу. Скользя пальцами по изящной шее, он обратил внимание на рваную рану.

— Как это произошло?

Лярва отпрянула. Профиль ее смотрел в темноту.

— Когда умер мой сын, мне нечего было есть. И я... нет, не подумай, я похоронила его. И я... — видно было, что ей больно вспоминать. — Я нашла острый камень и вспорола себе шею. Вот и вся история. Что в жизни была никем, что даже после смерти не могу принести пользу хозяину... — огорченно пробормотала она.

— Хотя я могу, я знаю, что будет с тобой — ты умрешь! — язвительно заявила она.

— Неудивительно, мы все смертны, и только дела определяют нас, — усмехаясь, грустно проговорил Аврелий.

— Но, но, но... — как заведенная, она начала метаться из угла в угол. Остановилась. Взгляд прояснился от винного хмеля. — Я знаю... как и могу помочь не умереть моему императору.

Вспоминая утреннее сражение, можно было и правда по-

теряться в действительности: смещалось все. Знание о своей кончине и впрямь дорогого стоит, а дальше что... бессмертие? Нет, это неправильно! Неверно и не нужно.

— Обрати ко мне свой взор, я могу тебя спасти! — отчаянно заглядывая в его глаза, запричитала она. — Ты — единственный, кто не прогнал меня. Послушай, — она обхватила своими изящными руками его колени и нечеловечески преклонилась в немом молчании перед ним, — я все, что знаю, тебе расскажу.

— Я устал, оставь меня. Не знаю, что будет после моей смерти, но хочется... — он не успел закончить.

— Знал бы ты, скольким душам ты мог бы помочь. В преисподней нет кричащих и молящихся душ, есть только бурлящая лава и живительная влага, падающая в нее.

— Ты хочешь сказать, что после смерти мы становимся водой? — расхохотался Аврелий. — Но хорошо, а дальше-то что? И почему ты не вода? — ухмыльнулся он.

Она запнулась.

— Душа моя — копоть, вот и не могу растопиться в огненном мраке. Вот и скитаюсь. Спаси нас.

Смирение перед причудами жизни давалось ему просто: принятие и дисциплина. В целом, этого было достаточно, чтобы не сойти с ума.

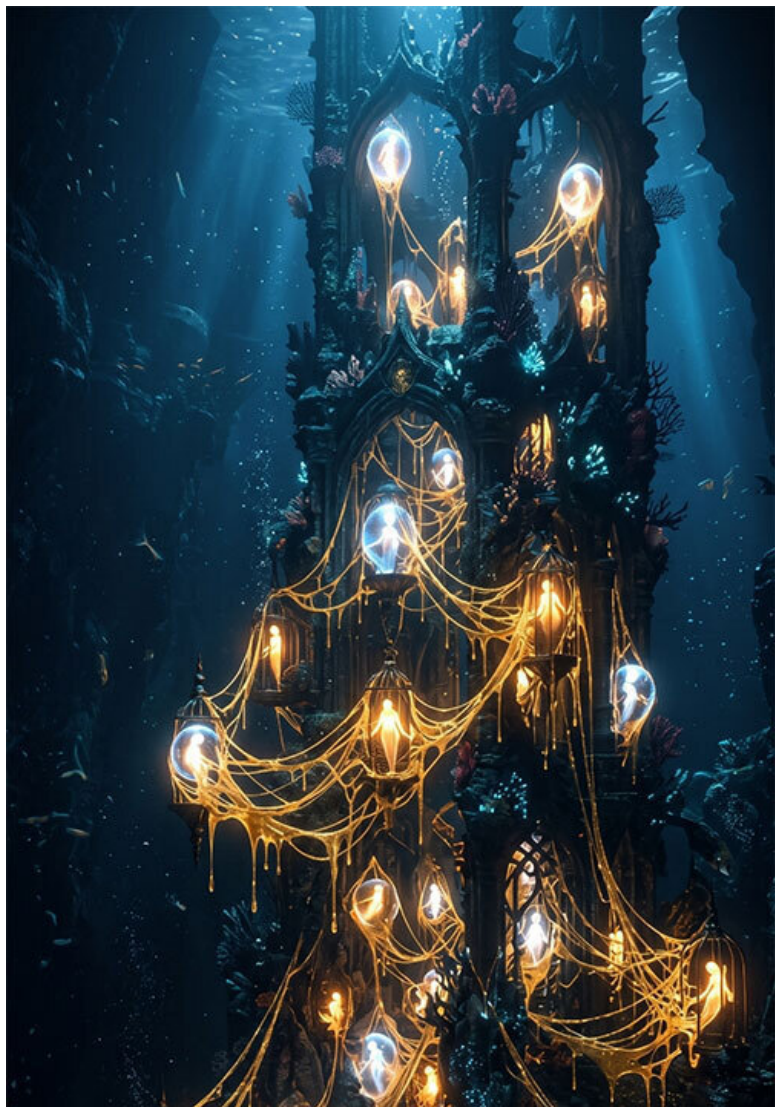
Вглядываясь в призрачную дымку, он молчал, голос вместе с носителем исчез. Наконец, он мог выдохнуть. В последующие часы ничего не происходило. Несколько раз заходил

преторианец, принесли лепешку и жаркое. Не спалось. Дремота скатывала его в тихую негу, а разговор с призраком заставлял прогонять ее: могут помогать и жить далее, но сколько смертей я увижу, скольких родных потеряю, — но в чем это не призвание Богов?

Проснувшись в тишине, он умылся. Ясности прибавилось, шум исчез. В палатке стало свежо, иногда слышалось ржание лошадей, но тихо-тихо было на душе. Выйдя и пройдя мимо охраны, он отправился к жрецу.

Недовольный служитель Богов вмиг преобразился, увидев императора.

— Что говорят Боги? — тихо спросил Аврелий, будто боясь разбудить их.

Лысая голова жреца склонилась в сторону императора:

— Наш путь — единственный и верный в глазах Богов!

— Постоянство Богов смущает, но что-то может еще? — улыбнулся он, вспоминая донесения разведчиков.

— Император, возможно, вас интересует какой-то конкретный вопрос к Богам? — смущенно протараторил жрец, так как такое посещение было впервые за два года службы в армии.

— Расскажи, что ты знаешь о воде. Живая ли она? — проговорил Аврелий, вспоминая разговор с лярвой.

— О воде? — жрец замялся. — Вода, император, — это не только стихия. У древних она была началом и пределом. Из нее рождается жизнь, в нее же она возвращается.

— И это все? Сегодня мне приснился сон: миру дарованы темницы из водной глади, каждая состоит из множества душ, связанных горячим воском. Ты понимаешь? Много воды. Кто-то плачет в глубине, а я не могу протянуть руку. Не могу помочь, — задумчиво молвил Аврелий.

— Одни мудрецы учили, что миры покоятся в водной бездне, другие — что души ищут в ней путь обратно. Но живая ли она? Не знаю. Может быть, живая лишь потому, что принимает все, что умирает.

— Я понял тебя. Не попробуем — не узнаем, — отрезал Аврелий. — Мне пора.

— Что император не узнает? — озадаченно спросил

жрец, но тот уже вышел и отправился на военный совет.

Выйдя наружу, он остановился. Дождевые капли падали в грязь, в лужи, на его ладони. На мгновение ему показалось, будто каждая из них живая. Будто тысячи голосов шептались внутри воды, разбиваясь о землю и вновь собираясь воедино.

Лявва говорила о преисподней.

Жрец говорил о возвращении.

А он все чаще думал лишь о покое.

Через три года его тело предадут огню.

Но в ту ночь, среди сырого ветра и запаха дыма, Марк Аврелий впервые допустил мысль, что смерть может быть не концом, а возвращением.

Глава 1

Неспешно оторвавшаяся от своего родителя — могучей тучи — снежинка начала свой скоротечный путь. Подготавливаемая своими вновь обретенными собратьями, снежинка взмывала вверх и проваливалась вниз, кружась в толще воздушных потоков. Сумрачная бездна, изредка пронзаемая робкими лучами едва пробивающегося света, медленно окутывала новоявленных пришельцев, поддерживая и провожая убаюкивающим завыванием нестройные ряды дебютантов, отправившихся в новый полет. Вихревые танцы снежных эльфов разбавлялись новыми соседями — свинцовыми каплями воды. Та же формула, но иное проявление или прочтение.

С гулким уханьем проносились они мимо друг друга. Снег и вода, слипаясь, обретали новую форму — некрасивую, липкую, с невероятным усердием пробивающую новые тоннели в столь необходимом, но непостижимом для снежинки облаке. Приближалась граница сумрачного царства, и вот новые элементы, словно юные птенцы, выпорхнули из невидимого гнезда и поспешили в свой единственный путь.

Небеса. Клокочущая мутная река серыми барханами выстилала предрассветную гладь неба — столь завораживающую, что не было ни сил, ни души, чтобы не стать с нею единым. Обманчивый горизонт, как надвигающаяся буря там,

вдали, столь осмотнительный в уловке поглотить неосторожного наблюдателя, — столь обворожительная сила, что не оставит с собой никогда.

Взору снежинки открылась темно-синяя бездна, пронизанная то там, то здесь пиками света, — небосвод. Внизу простиралось что-то серое, с прожилками белых дорожек, глубокими коридорами и впадинами, перетекающими друг в друга. Новый порыв ветра — и вот она над чем-то еще неведомым.

Белоснежный замок высился на краю бездны.

Бомбардирующие капли, словно пчелы, неспешно пролетали мимо и, не поворачиваясь и не замедляя полета, с маниакальным спокойствием устремлялись вниз. Одиноким солнечные лучи, попадая в капли, преломлялись — и небосвод мерцал хаотичными радужными вспышками. Растворяясь под режущими лучами восходящего солнца, небесная река не могла исчезнуть в мыслях одинокого наблюдателя.

Порыв, еще порыв... Снежинка медленно спускалась в predeterminedенную ей вечность. Внезапный поток восходящего воздуха подхватил беспомощную странницу и, увлекаемый лишь собственным капризом, понес избранницу к стенам замка.

В это раннее утро редкие группы постояльцев начали выходить в просторный двор санатория. Вот пара, взявшись за руки, строит планы и ждет своего кофе. Две дамы солидного возраста, прогуливаясь и поддерживая друг друга, живо обсуждают приснившийся одной из них волнительный сон.

Кельнер³ принес ароматный густой кофе. Обжигающий напиток ласкал теплым туманом заспанное лицо и навевал мысли, что все будет — и сейчас, и потом — хорошо. Возможно, даже лучше.

Снежинка, долго танцевавшая в ребячем порыве ветра, наконец нашла место, где можно было остановиться. Легко приземлившись на поверхность горячего напитка, она лишь на мгновение заискрилась радужным сиянием, степенно отдавая силу напитку. Безучастно взглянув на происходящее, постоялец меланхолично продолжил созерцать новое утро.

³ Кельнер (нем. *Kellner*) — слуга, официант в гостинице или ресторане в Германии и некоторых других западноевропейских странах.

Веранда выходила во двор, обрывавшийся резким спуском в долину. Со стороны величие белоснежного замка казалось несомненным и непререкаемым.

Снежинка обрела новую форму. На секунду человек задумался о бренности жизни, добавил сахар и наконец отпил глоток божественного напитка. Темный ободок проступил над верхней губой, вторя тональности его загорелого лица.

— Ты прекрасен, а вот это не сводит меня с ума. Дай-ка я тебе помогу, — нежный поцелуй спутницы стер кофейную гущу.

Смех обогатил новое утро.

Рассвет окончательно пробился сквозь тучи, и над пропастью проявилась радуга. Дальние величавые горы, покрытые пестрым покрывалом лесов, превратились из массивных тысячелетних монолитов в иллюстрацию из детской книги, где каждый герой — великан, способный перешагнуть ущелье и идти далее, вершить свой путь.

Пальцы влюбленных сплелись в цитадель согласия; их чувства были тем немногим, ради чего появилась и эта радуга, и эта снежинка, преобразившаяся в едва заметную пленку на губах.

Внезапный крик, донесшийся от дверей санатория, разрушил идиллию.

Происшествие случилось у массивной входной двери. Юного постояльца зажало между створкой и стеной. Резкий удар по крепкому массиву вновь пришелся по уже окровавленному плечу.

— Да что же это такое?! Я только вышел. Просто погулять. Хватит!.. — Просунувшись в проем, когда давление ослабло, я с нескрываемой злостью ринулся посмотреть на этого наглеца. Порыв вперед — и вдруг мгновенное замешательство. — Вальтер... Постойте...

Словно змеи, руки, обвив голову, тисками сжали мою гудящую голову. Немое мычание, непроизвольно вырывавшееся из моей гортани, привлекло внимание немногочисленной утренней публики. Каждый шаг был пропитан медленно нарастающей яростью. С усилием я прошел вперед, не оборачиваясь и не извиняясь.

Доктор, наблюдавший со второго этажа, хмуро сдвинул брови:

— Неизбежность этого мира приносит и новый день, и новые страдания. — Опустошенно взглянув на часы, он растегнул белоснежный халат и продолжил наблюдать за происходящим во дворе.

Плотно обхватив голову посиневшими руками, я повалился в талый сугроб. Обжигающий холодом снег лениво таял от моих горячих слез. Медленно перевернувшись на спину,

я издал kloкочущий стон, судорожно выправившись из горла, и вытолкнул остатки растаявшего снега на волю. В глаза, застланные туманом боли, причудливо преломлялся солнечный свет. В лучах то тут, то там проскальзывала радуга.

Заторможенно я встал, отряхнулся и направился к санаторию. В походке появилось что-то неуклюжее: один башмак предательски сполз с замерзшей ноги. Растерянно обернувшись, я поскользнулся и снова оказался навзничь на весенней земле и стал наблюдать, как кучерявые облака неспешно проплывают надо мной.

Подбежал санитар.

— У вас все хорошо? Встать сможете? Обопритесь на мою руку.

— Да, конечно. Я здоров. Спасибо, — машинально ответил я на типовые вопросы.

Глава 2

— Дорогая, ты только посмотри, как здесь хорошо. Постояльцы этого заведения не могут остановиться, их до сих пор не отпускает ночной кураж. Кто-то только кофе употребляет, а кто-то настолько счастлив, что уже пьян от самой жизни и безмерно наслаждается отдыхом. Как же я тебе завидую... Но не могу остаться — дела. А ты поправляйся. Скоро начнется новая, совершенно новая жизнь, — не унимался толстяк.

Я обернулся на голос и увидел лысого знакомого, принявшего мое состояние за праздничное утреннее похмелье. Рядом с ним стояла его несчастная, подавленная супруга, терпеливо слушавшая и державшая его сумки; тщедушные попытки возразить он принимал за знаки благодарности. Его непомерное величие вдруг резко поникло, и неуверенность сковала его изнеженную фигуру; он поймал мой взгляд, резко отвернулся и, не сказав ни слова, сел в машину.

Внезапно из холла вышел доктор. Молча, осторожно подхватив меня под плечо, он сопровождал меня в свой кабинет.

— Не хотите выпить?

— Ром.

— Да, вы совершенно правы. Напиток свободы. Если желаете, я напишу письмо вашим родным и родственникам фройляйн Хартманн.

— Вы же знаете, что у нее никого не осталось. Но пишите... Мало ли, вдруг кто-то из таких же одиноких, как мы, остался. Может, и придет.

— Не теряете оптимизма. Это хорошо. В наше непростое...

— Доктор, когда я лежал в госпитале, со мной примерно так же общался медперсонал. Старался отвлечь в момент, когда смерть праздновала свою победу. Не знаю, были ли вы на поле боя, но их слова отрезвляли. Ненадолго, но помогали.

Доктор постучал костяшками пальцев по столу, резко встал и подошел к окну.

— Нет, меня там не было. Там были мои сыновья. А вместе с ними — и душа моей теперь почившей жены. Все там и остались.

Солнечные лучи, упрямо пробивавшиеся сквозь перемежающиеся тучи с облаками, то падали на противоположную стену, то внезапно исчезали. Блики, отраженные от медицинских инструментов, весело прыгали по комнате и так же обреченно гасли, чтобы через мгновение вновь явить образ величия своего родителя.

— Кэти это любила... — пробормотал я, и глаза застлала беспощадная пелена слез.

— Да, вы правы, — сказал доктор, не глядя на меня. — Вы же знаете, что по воскресеньям похороны не проводятся. Сегодня пятница...

— Я буду с Кэти...

— Душой, конечно. Но послушайте...

— Я буду с Кэти в морге. Я тепло оденусь, и все будет хорошо.

— То место — для сосудов, утративших душу, — упрямо возразил доктор.

Видя, что я снова планировал сопротивляться, он положил руку мне на плечо и посмотрел цепким, пронизывающим взглядом, полным надежды на мою вменяемость.

— Вальтер, Катарина вчера умерла. Вы видели смерть, и я уверен, что эта женщина в темном одеянии с радостью поглотила бы нас всех. И это было бы благом. Миру конец. Нашему миру. Но наша трусость — нежелание признаться в этом себе — играет с нами злую шутку. Мы играем в жизнь, а жизнь, в свою очередь, любит забавляться с нами. Вы понимаете? Играем в жизнь. Бог — это дьявол или нечто непостижимое для нашего разума? Я не знаю. И не знаю, что будет дальше. Но и вы, и я прошли через горнило горя и невыносимые страдания. Мы потеряли...

Он продолжал говорить и говорить, и, казалось, его монолог был обращен не ко мне, а ко Вселенной. А может, он просто уже заучил эту речь для каждого подобного случая и вел себя так, как полагалось.

Какая же чушь мерещилась мне. Я всего лишь солдат этой жизни, рядовой планеты Земля, потерявший за последнее время не в количестве, а в качестве. Слова поддержки доктора понемногу вышибали опоры из-под моих разрушенных иллюзий, и вот Вальтер Ломан — в жестком кресле, со скрипом приходящий в себя.

Убрав руку с моего плеча, доктор направился к своему рабочему месту. Я же, почувствовав внезапную пустоту на плече, обреченно посмотрел на сажающегося в кресло доктора.

«Принять свою правду? Где ты, Леман? Ты бы мог объяснить мне все это... Но теперь ты — в лучшем из миров».

Внезапно к резко появившемуся солнечному зайчику метнулось что-то плюшевое. И в тот миг, когда солнце снова стало скрываться за тучей, луч, мерцая и перебегая с пола на стенку шкафа, также внезапно приказал долго жить. Существо с размаху врезалось в книжный шкаф, и несколько книг выпали на незваного гостя. Это застало нас врасплох.

Величие момента пошло прахом.

Мохнатая морда пса радостно показала из-под книг. Пес отряхнулся и стал активно принюхиваться, выискивая новую цель.

Удивительное создание. Я видел, как еще недавно он и носа не желал показывать из-под кровати Кэти, рычал на каждого и даже пытался укусить санитаря. А теперь он отказывался принимать и нашу правду. Мерзкий предатель. Тень ненависти к собаке омрачила мое лицо.

— Вальтер! Вальтер! Да что же это такое? Остановитесь! В чем виноват этот несчастный пес?

Задние лапы собаки были сжаты моей рукой. Несчастное создание пыталось вырваться. Оскал, испуганные черные глаза... Изловчившись, пес рванулся вперед, пытаясь вцепиться зубами в мою руку.

С безумным усердием сердце гнало горячую кровь к вискам. Глаза, полные праведной ярости, ненавидели весь мир. Оторвав Билли от себя, я, словно дровосек, занес дергающееся тельце над головой и, будто опуская топор, швырнул пса. Бедная собака с глухим стуком ударилась о ковер. Воздух взорвался визгом. Еле успевая переставлять травмированные лапы, пес вылетел из кабинета, и еще долго по округе было слышно тихое, жалобное завывание — плач одиночества и боли.

Стоя у двери, я пробормотал что-то невнятное. Наверное, должен был уйти. Сел и закрыл глаза. Слова доктора витали в голове, смешиваясь со скулежом несчастного Билли.

— Прости, Кэти. Я не хотел... Доктор, я схожу с ума?

— Вальтер, вы не сумасшедший... вы просто скорбите. Как и все мы. Да, мы, служители Гиппократы, привыкаем к чужому горю. Выгораем. Считаем, что видели мы...

— Я видел больше... Проклятая война...

— Видели больше? Чем кто? — уже сухо, как показалось мне с легкой усмешкой, спросил доктор. Не дожидаясь ответа, он вызвал сиделку. Что-то резкое появилось в его движениях. Исчезла тактичность, остались только отточенные,

рубящие предложения.

Вошла Рексрот.

— Проводите герра Ломана в его комнату. Распоряжение об успокоительном дам позже.

Закрывая за мной дверь, Рексрот произнесла:

— Знаю ли я, что вы чувствуете? Моя дочь, как и мисс Хартманн, осталась в стенах этого заведения. Мы все заложники смерти с самого рождения.

— Простите меня за те слова, что я вам сказал.

— Это говорили не вы, — сиделка горько усмехнулась. — «Старая ведьма» — вот что вы сказали. Но не думайте, что я обиделась. Вы даже близко не подобрались к тем потерянными людям, умудрявшимся находить такие слова для оскорблений, что оставалось только молиться за их искалеченные души.

К несчастью, я, как и вы, не смогла отпустить свою девочку. Застряла здесь. Попытки лечения не дали ничего, кроме отсрочки. Я искренне верила, что хоть ваша девушка сможет выкарабкаться. Фройляйн Хартманн была чем-то похожа на мою дочь... Но миг надежды исчез, а мы остались здесь — потерянные в этом бесконечном желании жить.

Я слышал, как она плачет, но боялся взглянуть на женщину, выдавшую больше мучительных смертей, чем иные, побывавшие в лапах смерти. Мы все застряли — между войной и миром, между смертью и жизнью.

— Простите меня.

— Это уже не имеет значения.

Через несколько минут санитар принес успокоительное, объяснил, как принимать, и тихо вышел.

«Так что же делать дальше? Послезавтра похороны. Нужно что-то делать».

Глава 3

Выйдя на балкон, я попытался смотреть на заходящее солнце.

— Брат Гелиос⁴, ты всегда рядом для живых. А как же Кэти? В том холодном помещении без тебя?

Я попытался понять, и в то же время рассудок сохранял трезвость, не желая впадать в безумие. В воздухе что-то витало и настойчиво шептало: «Дальше будет только жизнь». Жизнь, в которой будет все, что было до Кэти, и все, что будет уже после Кэти. Вот только за минусом нескольких месяцев.

Холодные перила балкона приморозили кончики пальцев. «А все-таки Кэти была права. Мы любим жить», — думал я, вдыхая жизнь в онемевшие подушечки пальцев. — «Прыгнуть бы с этого балкона — и миру конец. Моему миру. — Что можно обо мне сказать? А что можно было о Лемане? „Мы помним их — и они живы для нас“. Остановись. Прекрати это самобичевание. Нужно найти собаку...»

Стук в дверь отрезвил меня, вырвав из потока мыслей. «Кто же там? Может, Йохан? Он знает, что делать... Хотя откуда ему здесь быть? Он сейчас там, внизу, в реальном мире».

Вошедшая фрау Рексрот принесла новую подушку.

⁴ Гелиос (Гелий) — бог Солнца в древнегреческой мифологии.

— Возьмите. Новая вещь — как новая жизнь! А без надежды мы — лишь тени прошлого. Миг до и после... но что, если миг этой секунды и есть тот самый смысл? Эх, мое философствование! Кажется, мне хоть немного удалось вас развеселить. «Старая ведьма!» — как вы метко сказали!

— Спасибо, — слабо улыбнулся я. — У меня был друг — вот он уж мог развеселить кого угодно своими неумными шутками.

— Не сомневаюсь, — зевнув, ответила фрау Рексрот. — Отдохните.

— Постараюсь, — уныло ответил я.

— Я не буду закрывать дверь.

— Это ваше право.

— Отдыхайте.

В комнату медленно вползали ошетилившиеся тени. Солнце степенно прощалось багровым закатом, а сумрак занимал освободившийся трон мироздания. В легком полусне я не шевелился, голова покоилась на плохо взбитой подушке. Подушке Кэти. Запах Кэти все еще витал в воздухе этого мира. Запах оседал и вновь напоминал о том, что ушло, но с каждой секундой все больше стирался в моем воспаленном сознании. То ли запах не хотел покидать мои рецепторы, то ли был лишь воображением.

Украдкой я вытянул из-под подушки шейный платок Кэти, вдохнул полной грудью — и задумался...

«Но что поделать?»

Открыв глаза, я уставился на стену, выкрашенную в белый цвет, с вкраплениями пыли в эмалевой поверхности. Пылинки были разной формы, но преобладали прямоугольные очертания. Словно перелетные птицы, частицы то собирались в огромные облака, то рассеивались по белому атласу светлого неба. Встав и подойдя к стене, я попытался стряхнуть частицы, но рука будто провалилась в небо или туман.

Мягкая теплая река чего-то светлого несла аморфные вкрапления вдоль берегов, ограниченных плитками. Внезапно угол зрения сместился вправо, и то, что сверху казалось геометрическими фигурами, оказалось плывущими в туманной массе крестами — разных форм и размеров, медленно тянувшимися вдоль траншейных стен.

Оглушающая тишина. Лишь изредка кресты, сталкиваясь в рукавах тумана, жалобно и обрывисто скрипели, словно давно не смазанные суставы машины. Проплывавшие кресты старались обходить меня, но при замедлении шага им не всегда это удавалось. Удара не было — лишь теплая струя водянистого пара расходилась по коже, не причиняя вреда.

Не было страха, лишь какое-то далекое отчаяние нахлынуло из времен великой войны. Бессмысленной, но так необходимой... кому-то. Огонь, медленно распространявшийся по всему горизонту, не обжигая плывущие кресты, поглощал их с таким же безмятежным видом, как глоток рома, что проникает теплом в душу.

— Умер я, что ли? — бормотал один из крестов.

Люди, река людей, тяжело тянулись.

Это открытие немного отвлекло от мыслей, но не показалось мне чем-то экстраординарным.

Слившаяся плоть с могильным постаментом, отпечатки гримас, как посмертная маска, знакомили нас друг с другом. Калечащая правда бытия: сотворив себя при жизни, увековечив в граните после смерти. Жуткое явление наших прижизненных побед.

На другом берегу траншеи заметил что-то плохо просматриваемое, но постоянно смещающееся. Колеблющаяся тень всплывала и пыталась привлечь мое внимание. Изредка обрывки фраз доносились до меня, но расслышать отчетливо не получалось. Сделав шаг в сторону тени, я попытался дальше лавировать среди могильных постаментов, и это мне с легкостью удавалось. Ни я, ни кто-то или что-то не желали прерывать течение тумана. Пристально вглядываясь в призывающие тени, я никак не мог отчетливо уловить очертания. Но, к моему облегчению, мне понемногу удавалось научиться проскальзывать в тумане между моими молчаливыми товарищами. Внезапный порыв ветра от очертаний цели наконец-то смог донести обрывок фразы:

— ...аз. Газ...

Судорожная автоматическая попытка найти противогаз лишь довершила мнение, что ждать от этого места чего-либо, кроме могильного молчания, было одной большой ошибкой. Краем глаза я заметил некоторое смятение среди това-

рищей по несчастью. С другой стороны, кому, как не им, знать все «прелести» смерти, и новая встреча с удушающей отравой лишь отдаляла их от последнего пути.

Приближающийся рокот сковывал нас страхом и отчаянием.словно гигантские лапы из лесной чащи, показались монструозные, поломанные прозрачные пальцы. Не было видно контуров массы, лишь потусторонний, невидимый гул, раздвигающий кроны, ломал надежду в наших потерянных сердцах.

Тот, кто звал меня, бросился в нашу сторону, но никто не собирался так просто отпустить добычу. Бликующая на фоне огненного зарева полупрозрачная масса, замахнувшись, вмяла во влажную землю первую жертву. Истошный крик, прерывающийся клопочущим хрипом и треском сломанных костей, был подобен приближающемуся урагану.

Вконец наигравшись и буквально ввинтив несчастного в грязь, пальцы медленно стали приближаться к нам. На наше счастье, обволакивающий нас туман обладал каким-то отталкивающим эффектом. Будто обжигаемый нашим оберегом, газ разбивался о преграду, но за одной разбитой конечностью следовала другая и другая. Дикое животное пыталось расколоть и раскромсать наше убежище.

Со всех сторон — неистовая буря, превращающая видимый свет в единичные лоскуты причудливых форм.

Аморфные очертания лап и когтей, нескончаемый рев буквально выматывали нас всех. Казалось, что это не сон, а

просто новая жизнь. Условно такая же, какая и была прежде, — со своими страхами и переживаниями, эмоциями и страданиями, надеждой и разбитыми желаниями. Все то, что было так метафорично, вдруг прояснилось и открыто вступило с нами в борьбу. Вот только не было возможности обуздать стихию.

Устав биться в таких же бесславных попытках, как и мы, чудовище отступило. Медленно начало отходить в немой и беспомощной злобе в свою обитель.

Успокоившись, наша процессия вернулась к привычному шагу. Но я не мог оставить того, кто был потерян там. Осторожно ступая к месту, где туман уже был разрежен, я вдруг почувствовал лютый холод, медленно просачивающийся через поврежденную оболочку. Словно учуяв такого дурака, как я, монстр, собравшийся было исчезнуть, преобразился. То ли в искаженную морду бешеной собаки с грязной, заразной слюной, то ли в крота с таким же искаженным от злости обличем. Словно в прыжке, морда втиснулась в разорванный участок и медленно начала проникать в наше убежище.

Понимая, что до рассвета нам не дожить, мы стали пятиться в противоположную сторону. Не выдержав натиска происходящего, наши ряды, словно обезумевшие, начали пытаться запрыгнуть, вскарабкаться, спастись от удушливого газа. Другие же соратники, словно не замечая надвигающейся угрозы, спокойно проплывали мимо разворачивающейся катастрофы. Отравленные газом, не замечая никого,

кроме нас, потрясенных, ползли к нам. Ради спасения.

Картина происходящего начала меняться.

Вместо тумана и крестов — запах. Знакомый до рвоты. Фосген, смешанный с ипритом и сырой землей. Я стоял не в траншее. Я стоял в воронке. А рядом — не пальцы, не лапы, а французская штыковая атака, идущая стеной.

Руки тянулись, как в той страшной мясорубке. Мы вспарывали французские редуты, как консервы с домашним гусяным паштетом. Гул, порожденный нами, сливался в злобный хохочущий вой.

Траншеи, траншеи, поворот за поворотом. Наша рота прорывалась и не сдавалась. Единый порыв, единство веры.

Нестройные ряды набросились на стену, царапаясь и выхватывая клочья земли; рванув вверх, упавших старались подхватить набегающие. Страх разросся до катастрофических пределов. Агонизирующие, но не сдавшиеся — единым организмом, плечом к плечу — начали укладываться вдоль стены, формируя подобие лестницы. Те, кто еще мог бежать и помогать окружающим, жертвовали ради нас всем, чем они жили. И мы, благодарные нашим боевым товарищам, рвались вверх.

Сон, издеваясь, рвал нас. Мы хотели жить.

Взлетев и перепрыгнув через траншею, мы начали вытягивать остальных. Газ, словно понимая, что всех нам не спасти, замедлился и начал разливаться полукругом, медленно поглощая поверженных. Эхо войны стучало в моих глазах. Не успев схватить товарища, я скатился с вершины. Дикий вой не оставлял меня в покое. Лес, играя, превращал крики в отголоски эха. И скрежет, этот скрежет... Скрежет грязного затвора, что не давал спать.

— Если это сон, то нужно его прекратить, — шептал я, карабкаясь обратно. — Ты у меня сейчас получишь то, что заслуживаешь.

Сонная вязкая мгла медленно и неумолимо затягивала моих товарищей.

— Остановись, из-за меня ты здесь!

Бездонные глаза, уставившиеся на меня, будто отложили пытку. Рваная улыбка оголила истоки, и рука потянулась ко мне.

— Давай, бери, гадина. Отпусти, не тронь. Любишь живых? Так возьми меня и подавись. Отступи! Дай им уйти.

Не оборачиваясь и закрыв глаза, я стал выжидать. Внезапно крики, лишь нараставшие с новой силой, исчезли. Холодная плоть обняла и подбросила меня вверх. Падение приняло меня на чем-то твердом; обжигающий металлический свет осветил мое изможденное лицо.

Лежал и думал: упал я с постели, меня нашли в темноте и освещают фонариком. Во тьме кому что не привидится.

Интересное слово — «освещать», можно по-разному, с разной интонацией преподнести его слушателю, и каждый может принять его с разным оттенком. Хотя кто я такой, чтобы думать о чувствах?

Открыв глаза, я оказался в совершенно другом месте: в царстве бледного металла и мертвого света, среди множества педантично установленных кушеток, в идеальной чистоте. Белые покрывала укутывали каждый стол и немного не доставали до пола. Ни единой души, кроме моей.

Медленно приподнявшись, огляделся. Внезапно взор заметил бледную, неукрытую фигуру. Знакомые черты лишь наводили на мысль, что я просто пьян. Я спустился в морг больницы и оказался рядом со своей возлюбленной. Неприятный холодок замер в животе — что-то было не так. Изящные руки, алые губы, немного выделявшиеся, но не ввалившиеся скулы, прикрытые живые глаза, бронзовый загар... Да она же жива!

Когда я приблизился, картина стала только пугающе-мнящей.

— Кэти... Кэти... Это я.

Горло сжало, и уверенное произношение имени лишь приводило к эпизодическому удушью. Выдохнул. Дотронулся. Рука была прохладной и безжизненно свисала с последнего пристанища моей амазонки. Заправив сползшее покрыв-

вало, выдохнул снова. Обняв в последний раз Катарину, горько расплакался. Иначе не мог. Каждый из нас слаб перед своим одиноким сокровищем.

Руки, обнявшие мою голову, пригвоздили меня. Попытка вырваться из объятий: ноги, словно вкопанные, отказывались сгибаться. Сила буквально вдавливала меня в нее.

«И будь что будет! Надеюсь, это ты...»

— Кэти, мне тяжело дышать.

— Валли...

Резко открыл глаза. Я был в своей комнате. Задыхаясь от подушки, плотно вдавленной в мое лицо, я наконец-то слабым усилием смог перевернуться на спину.

Глава 4

Морозный воздух расправил мои легкие, кашель курильщика освободил меня для дальнейшей жизни. Боясь снова оказаться во сне, потихоньку начал расшевеливать затекшее тело. Протер заспанные глаза и с нескончаемым облегчением понял, что сон остался лишь сном. Медленно сел на край кровати. Мелкий, барабнящий дождь играючи затекал между створок приоткрытого окна. Порывы ветра доносили веселую армию барабанщика до середины комнаты. Тупо проанализировав ситуацию, понял, что хочу подышать. И, главное, не поскользнуться.

Странный день, странный вечер. Встал, прошелся по комнате. Посмотрел в открытую дверь балкона. Ничего нового. Ветер приносил с собой дыхание новой жизни.

Тихий стук в дверь отвлек от будоражащего, но уже степенно отступающего сна. Прохлада бодрила, и я постепенно становился собой. Стараясь обойти натекшую воду, перепрыгнул — и вспомнилось, как Кэти так же легко обходила препятствия.

Улыбнулся. Вспомнил объятия. Страшно жгучие, но верные.

В приоткрытой двери проступил контур фигуры русского. — Вальтер, здравствуйте. Пытался постучаться, и вот смог. Вы простите, что... Возможно, я пойду.

— Пойдите, проходите. Все нормально. Только приберусь.

— Я помогу. Не нужно... Как-то же нужно жить дальше. Присев и наблюдая за уборочной линией от первой до последней капли, он продолжил:

— Мы внизу, с Антонио, ждем вас. Придете?

— Как вы думаете? — пропустив его вопрос, переспросил я. — Они ждут... нас?

Ухмыльнувшись и потеряв щетину, он резко встал, направившись к балкону.

— Вы знаете, мне даже страшно. Все те, кого я знал, ждут меня там. Человек двести-триста будет. Вот смотрят они и думают: «Вот дурак. Чего творит?» Боюсь я этой встречи. Если, конечно, она будет.

— Возможно, не все, а лишь любящие?

— А если их, любящих, несколько? Дерутся за меня там, наверху? Вы не подумайте, что я такой brutальный. Я все знаю. Ничего нам не известно о том месте, где будет это пристанище. Но страшно мне за тех, кого мы знаем сейчас. Да, вы сейчас находитесь в плачевном состоянии, но время сглаживает... Вы же понимаете, о чем я? Представьте себе, что вы не встретили бы мисс Хартманн. Что изменилось бы в вашей жизни? Да, да. Много. Или даже так: что, если бы не было вовсе этой войны и проклятой болезни? К сожалению, у нас нет контрольной группы, чтобы это проверить. Время сжирает наши надежды, а наше бездействие лишь направля-

ет нас в нужное для него русло. Может, это и есть великий план — и мы все уже в аду, где политики так искусно нас прожаривают? Пусть уж лучше нас никто там не ждет. Пусть их мучения не будут омрачены новой повесткой — ожиданием. Ибо тогда их смерть была бы напрасной, и новый виток ада поджидает нас там.

Его нечеловеческий взгляд в проеме балкона, его грозные крики, переходившие в тихий плач...

Я вспомнил, что и его возлюбленная недавно умерла.

— Знаете, почему до сих пор я еще жив? — продышавшись, заговорил он. — Просто беру пример с братьев наших меньших. Какая бы ни была тяжкая у них травма, а они все равно живут. Не бросаются с крыши, не жрут ядовитую гадость, под машины не бросаются. Это мы приобрели мышление и рассуждаем о смысле жизни, а они просто живут. Без цели.

— Вы правы, вы правы. — прошептал я.

— Вы не должны так говорить. Мы ждем вас внизу.

На выходе, стоя спиной ко мне, он добавил:

— Вальтер, мне очень плохо. Я хочу верить вашим чувствам, но жизнь раскатывает нас и создает новую армию существ, верящих в новые идеалы. Это просто огромная винтовая лестница, вот только куда она ведет?

Тишина после ухода собеседника с новой силой обострила мои чувства. Кому верить? Умылся, побрился. Взглянул на помятую кровать. Содрогнулся от пережитого и, прокру-

чивая недавно сказанное, вспомнил об объятиях Кэти. Какие же они были крепкие и как необходимы мне! Прикрыл балкон. Посмотрел на ночное небо. Звезды, проплывающие надо мной, лишь лениво поблескивали в безбрежном океане космоса. Лишь одна безудержно мигала, привлекая внимание.

— Я знаю, Кэти. Тебя скоро не будет. Прости меня, мне придется жить дальше.

Отпечаток моей ладони на запотевшем окне медленно начал размываться от упрямо сбегających капель воды. Линия за линией. Вот она — правда жизни.

Глава 5

После того как жизнь отобрала у меня мою возлюбленную — смерть или жизнь, называйте как угодно, — я просто начал это принимать. Всех погибших товарищей я так же принял, как и мою любимую. Я знаю каждую могилу моих родных и близких. А теперь знаю и еще одно такое место, куда буду приезжать и уважать человека, давшего мне новую жизнь, впечатления, эмоции и готового и дальше давать мне все это, но при этом так подло у меня отнятого.

Иногда мне кажется, что эта жизнь, данная мне, не моя. Что я, возможно, лишь выхватил ее у кого-то другого и где-то та, другая жизнь, которая была предназначена Богом или каким-то другим существом, мучается. Скорее всего, Богом... и мы должны верить в Него. Она проживается в другом месте, в другое время и другими людьми, но я вас уверяю: все происходит точно так же. И тот, кто смог выхватить свою жизнь, нынешнюю жизнь, — правильно сделал? Но не нам судить чужие помыслы.

— Да-да, ты прав, беспристрастный наблюдатель, — задумчиво проговорил я, смотря на стену. — Хорошо, да, конечно, сейчас я умоюсь, приду в себя и спущусь.

Бойня Великой войны... Теперь мне приходилось пройти через другое горнило. А все это — лишь слабая попытка жить, хватаясь за жизнь и не переставая надеяться.

— Не надо переживать уже по этому поводу, просто спускайся. Меня там ждут, — словно уговаривая себя, обращался я в пустоту.

Побродив по темной комнате, я сжал кулаки. Провел рукой по лицу — как же оно заросло. Прошел в ванную, включил свет. Умылся. Побрился. Помылся. Причесался. Когда-то мне было двадцать лет, и я верил в великие идеалы. Теперь в меня верят идеалы. Может быть, идеалом будет... отсутствие идеала? Ну, это хаос. А может, стать управляемым хаосом? Нет, мозгов у меня на это не хватит. Надо уезжать куда-то. Может быть, что-нибудь у нас и выгорит?

Выключил свет. Прошелся еще по комнате. Включил свет. Переоделся. Вышел на балкон. Освежающий ночной ветер стал ласкать кудрявые пряди волос, и слезы неслышно пробудились в уголках глаз.

Глава 6

Выйдя в безмолвный коридор, прислушался. Гул, исходивший с первого этажа, постепенно затухая на лестничных перекрытиях, обрисовывал мрачную картину жизни: преисподняя веселится, а небеса хоронятся. Покой, с которым мы стремимся не встречаться, только и ждет, чтобы принять нас.

Отдернув себя от угнетающих мыслей, я подошел к первому пролету. Внизу ярко светилась часть видимого лобби. Медленно спускаясь по ступенькам, уловил, что покрытие драпировано красной тканью, что так похоже на запечатленную фотографию из газетной вырезки. Учитывая, что перед выходом я начистил свои ботинки, я представлял себя кинозвездой, идущим по красной дорожке от белоснежного лимузина и под сотнями софитов к фешенебельному кинотеатру.

Я вспомнил и ту фотографию, где какой-то известный актер, только вышедший из машины, сразу же был атакован обезумевшей толпой фанатов. Но, не испугавшись, он лишь одной рукой прикрыл глаза от фотовспышек, а второй приветствовал собравшихся. Приталенный костюм, блестящие темные туфли, шляпа, улыбка, какой-то браслет на руке... Счастье, запечатленное на фотографии и так необходимое мне сейчас, медленно привносило смысл в мою жизнь. А вот и первая поклонница.

— Привет. Как дела?

Смущенная горничная ускорила свой и без того быстрый шаг.

— Вы простите меня. Хотел поддержать вас, и не подумайте...

Она уже скрылась за углом и лишь мельком взглянула на меня перед поворотом. Проскользнувшая улыбка исчезла вслед за своей владелицей, но я был счастлив.

Словно улей, первый этаж был сердцем отеля. Управляющий, стоявший за стойкой, быстро направлял гостей и персонал куда нужно. Больные и здоровые, отдыхающие и обреченные плыли по указывающему движению его руки в сторону ресторана. Никто сегодня не хотел быть одиноким.

Глава 8

Наблюдая за проходящими, поймал себя на мысли, что хочется немного одиночества — того, что читается на устах и в мыслях гостей.

*Я так устал, что мне бы волю,
Покончить с этой любовью.
Уйти, немного прикорнуть, забыть
Мой тот нелепый путь...*

Не прекращая рождения стихосложения и наконец успокоившись, я увидел одиноко стоявшее кресло у окна, выходящего на основной двор. На низко расположенных ножках, с изящно отполированными подлокотниками цвета оливы, оно стало спасительным островком мирского спокойствия.

«Как же много задов оно повидало», — подумал я, неспешно присаживаясь. Спинка кресла с небольшим изгибом словно приняла мою спину, и я занял именно то положение, которое было нужно, чтобы наконец отдохнуть. Плотник, видно, создал не одно убранство для отдыха гостей. Определенно чувствовалась его незримая ответственность перед своим произведением и перед нами — теми, кто здесь побывал или побывает.

За окном не было ничего, кроме ветра, нещадно гоняв-

шего откуда-то взявшийся бумажный пакет. Сотрясая стены порывами, он играючи закидывал мусор то вверх, то вниз, то снова вверх, то по кругу. Глаза устали следить за этим повторяющимся танцем за окном, и взгляд тяжело опустился на паркет.

— Добрый вечер, — внезапный гость, будто черт из табакерки, услужливо проворковал над моим ухом. — У вас все хорошо? Воды?

Управляющий терпеливо повторил вопрос.

— Нет, спасибо. Может, рому?

— О! Так вы знаток! Да, вы совершенно правы. Ром — напиток и свободы, и освобождения. Смотря в каких дозах принимать сей эликсир, — хитро дополнил собеседник.

Изоощренным мановением руки он подозвал одиноко стоявшего кельнера, быстро что-то продиктовал ему — возможно, на швейцарском. Развернувшись ко мне, он вновь улыбнулся и взглянул в утопленное окно:

— А погода-то дрянь.

Эта фраза никак не вязалась с элегантно одетым, гладко выбритым франтом. На вид ему угадывалось около пятидесяти. Наблюдая за его работой со стороны, я видел: он был как хороший снайпер любое действие как цель, любой взмах руки как выстрел. И снова — «яблочко».

— Итак, наш дорогой гость. Я знаю, что у вас произошло. Соболезную. Ваше утреннее появление было тем еще проявлением злости. Это и грустно, и завораживает, — глухо про-

изнес он. — Но в то же время ваше состояние — идеальный момент для нас, персонала отеля. Мы можем предоставить вам максимально легкое начало этой ночи. А вот и наше начало!

— Простите, но для управляющего вы слишком разговорчивы и бестактны, — возразил я.

— Отнюдь. Мои сутки закрылись буквально несколько минут назад, и, если вы не против, могу я вас поддержать в столь темный час искушения наших душ? — заглядывая мне в глаза, как мне показалось, с легким прищуром, проговорил он. — Витиевато говорите.

Но есть ли у меня выбор?

Конечно, я мог бы быть и против,

Но не прогоняйте вы меня.

— Так вы еще и поэт! За это срочно нужно выпить! Да, и дайте кубок для меня! — парировал управляющий.

Тяжелые приближающиеся шаги отвлекли меня от нового собеседника. Кельнер, выполнявший распоряжение начальника, с видом неискушенного носильщика тащил в нашу сторону дополнительное кресло для сиюминутного разговора. На грохот отдвигаемого кресла слышался недовольный возглас из-за дверей ресторана. В попытке быстрее управиться работник остановился, взглянул на нас каким-то обреченным взглядом и... замер.

— Помочь? — деловито поинтересовался управляющий.

— Спасибо... — И, упершись плечом, кельнер наконец выполнил свою работу.

— Вот молодец! А ром? Ты же знаешь, что стоять и работать — это разные вещи! Это как наслаждаясь прекрасными видами Амазонки, нестись в разверзшуюся пасть черного каймана⁵, не делая ничего, кроме как желать быть съеденным.

Наблюдая за этим диалогом, я и правда отвлекся. Назидательный тон управляющего и извиняющаяся фигура кельнера способствовали чему-то новому — тому, что я позабыл за время жизни в этом отеле, за время растворения в возлюбленной.

— А вот и ром! — довольно воскликнул мой собеседник.
— За нас! — Салютовал он, передавая мне рюмку.

— Вы правы. Спасибо, что разрядили этот вечер, — прошептал я, опрокидывая шот. — Крепкий.

— Поймите, мы чувствуем наших посетителей и стараемся вернуть их в привычное русло жизни. Вам понравился наш спектакль?

Я недоверчиво на него взглянул.

— Почему «спектакль»?

— А давайте-ка еще по одной. Отлично, и теперь посмотрите на моего помощника.

Взгляд упал на улыбающегося человека, который, прикрывая довольную физиономию, махал мне. В один миг он

⁵ Кайман (*лат. Caiman*) — род пресмыкающихся семейства аллигаторовых.

резко встал по стойке «смирно», а затем, подобно миму, с надрывом потащил в нашу сторону невидимый шкаф, сотрясаясь от беззвучного хохота.

Внезапно отельер поднял руки, и стало тихо-тихо, непривычно спокойно. Собравшись с мыслями и торжественно выдохнув пары алкоголя, он улыбнулся.

— Что бы ни происходило в вашей жизни, Вальтер, мы всегда ждем вас в нашем отеле. Мы понимаем, что жизнь может поставить такие невыполнимые условия, что даже ее сестра, Смерть, с почтением посмотрит на нее. Мы полюбили и вас, и вашу ныне усопшую спутницу. Но сложно как-то усыпить вашу боль и страдания. Мы можем лишь помочь, и, быть может, эта малая толика поддержки вселит надежду в вашу душу. — С этими словами он кому-то взмахнул за моей спиной.

Приглушенные шаги, раздавшиеся позади, заставили меня с нескрываемым любопытством обернуться. Передо мной стоял весь персонал отеля. Камерная тишина изредка прерывалась порывом ветра, играючи ударявшимся в смотровое окно снаружи и уносившим звон сотрясающегося стекла во мглу. Отголоски эха перезвона чем-то напоминали мелодию Рождественского сочельника, так любимую мною в детстве.

Здесь и сейчас происходило что-то невероятное. Каждый подходивший обнимал меня, говорил слова утешения, плакал вместе со мной. Уходящего сменял следующий, который также пытался улыбаться в такт моему пульсу. Прошло

какое-то время, и поток страдающих сменился замыкающим. Вот такой неожиданный сюрприз от заведения. Замыкающим был управляющий. Столь холодный со стороны, он приоткрыл мне свою душу, позволил не сомневаться в себе и пытаться найти новый путь.

— Позвольте спросить: все это — только ради одного меня? Я не видел, чтобы так происходило здесь когда-либо. Правильнее сказать — никогда.

— Не будьте столь тщеславны относительно увиденного. Это урок нам всем о том, как мы одиноки.

С этими словами он поднял руки, и хлопок в ладоши заставил меня открыть глаза.

Фантазмагоричный сон медленно стирался, и действительность ворвалась обратно: в виде спешащего персонала, любопытно снующих посетителей, крепкого запаха кофе из глубины зала, резко отворяющейся входной двери и шумной компании, вваливающейся в вестибюль. Все это вернуло мой разум из сна. За окном мокрый ветер сменился крупными хлопьями снега, которые медленно укрывали промерзшую землю. И это чувство — столь необходимое нам, как забота, подобное плотной шапке снега, укрывающей стены и оголенные участки земли, — в конце концов разбило меня.

Спустившаяся с верхнего этажа компания молодых людей и девушек в это время распевала пьяные песни. Два крупных парня посадили на плечи смущенного юношу, и всей гурьбой они двинулись в сторону ресторана. Вспомнились уют-

ные вечера у Альфреда, и моя кислая физиономия расплылась и обвисла.

— Вальтер, вижу, вас не собрать с нами. Но я смог, нашел! Быстро вставайте и за мной. Этот вечер должен стать спасением, а не мрачной страницей в нашей жизни. Многое повидали, многое еще увидим. Давайте, вставайте! — чуть не крича на меня и продолжая виться вокруг, словно сокол, голосил русский.

— Иду, можете отпустить, видите же, что встал, — нехотя поднимаясь, пробормотал я.

— Конечно, вижу. Но в столь тяжкую минуту опора не будет лишней.

Он изменился. Бегал вокруг меня. Его уговоры заставили отвлечься от сумбурных мыслей.

Проходя мимо стойки, я ощутил взгляд. Он исходил то ли от стен, то ли от невидимого наблюдателя. Я бросил взгляд на управляющего, и наши глаза встретились. Он отрешенно смотрел на меня. Потом улыбнулся и утвердительно покачал головой в такт тараторящему русскому. Мол, иди, все правильно. Это необходимо.

Уютный ресторанчик, словно малая отдушина для выздоравливающих и смилившихся, принимал всех и вся. Любкой настрой здесь превращался в поддерживающие улыбки и яростные объятия незнакомцев. Мы присели за столик к скучающему Антонио и чуть заметным кивком пригласили зорко наблюдающего кельнера.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.